

4. Восточные группы охотцев Хоккайдо имеют более выраженный протоайский компонент, чем северные.

Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 154–159.

Amano T. On the expansion and regional variations of the Okhotsk Culture // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures Hokkaido University. 1979. Vol. 12. P. 75–92.

Ishida H. Skeletal Morphology of the Okhotsk People on Sakhalin Island // Anthropological Science. 1994. № 102 (3). P. 257–269.

Ishida H., Hanihara T., Kondo O., Ohshima N. A Human Skeleton of the Early Phase of the Okhotsk Culture Unearthed at the Hamanaka-2 Site, Rebun Island, Hokkaido // Anthropology Science. 1994. № 102 (4). P. 363–378.

Ito S. Human Crania from the Moyoro Shell Heap // Koukogaku zasshi. Vol. 37. 1951. P. 214–217 (на японском).

Ito S. The Stratigraphical Changes of the Skulls from Moyoro Shell Heap // Okajimas Folia Anatomica Japonica. 1965. Vol. 40. P. 679–690.

Kodama S. Moyoro Shell Heap. Hokkaido Genshi Bunka Kenkyukai, Sapporo, 1948. P. 1–111 (на японском).

Kozintsev A.G. Ainu, Their Ancestors and Neighbors: Cranioscopic Data // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1990. № 98 (3). P. 247–267.

Kozintsev A.G. Ethnic Epigenetics: A New Approach // Homo. 1992a. № 43 (3). P. 213–244.

Kozintsev A.G. Prehistoric and Recent Populations of Japan: Multivariate Analysis of Cranioscopic Data // Arctic Anthropology. 1992b. № 29 (1). P. 104–111.

Suzuki H. Physische Anthropologie in Japan // Homo. 1958. № 9. P. 37–47.

Yamaguchi B. Human Skeletal Remains in Hokkaido // T. Ogata (ed.) Nihonjin. I. Jinrui-gaku koza. 1981. Vol. 5. Yuuzankaku, Tokyo. P. 137–156 (на японском).

Д. А. Самсонов

**ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ
ПО НЕКОТОРЫМ АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ЭТНОГРАФИИ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ**

С того момента, когда я начал изучение корейской культуры и корейского языка (а именно с поступления в 1995 г. на отделение корейской филологии Восточного факультета СПбГУ), мне неоднократно посчастливилось побывать в Республике Корея (РК). Один из наиболее продолжительных визитов состоялся в 2004 г., когда я прожил в стране около девяти месяцев. Этот визит можно назвать наиболее плодотворным, потому что именно в этот приезд мне уда-

лось совершить большое количество поездок по стране и собрать немало полезного материала. Кроме того, в период моего пребывания в Сеуле, я неоднократно посещал Государственный Музей этнографии (ГМЭ), первый этнографический музей страны. Мне удалось познакомиться с научными сотрудниками Музея и через них узнать о некоторых методах работы по сбору, обработке и фиксации полевых материалов, касающихся традиционных форм жизни. Мне кажется, что достаточно интересно познакомиться с опытом южно-корейских коллег в данном вопросе.

Практически вся научная и музейная работа ГМЭ направлена на изучение собственно корейской культуры и истории. Основную работу в этом направлении ведет отдел науки и искусства (ОНИ). В рамках своей деятельности ОНИ проводит полевые исследования, собирая материалы по традиционной культуре, быту, праздникам, ремеслам, обычаям, обрядам и т.д. Ежегодно в его стенах готовятся не один десяток разного рода материалов (книги, видео-, аудиоматериалы и др.), рассказывающих о традиционных формах жизни. Эти работы рассчитаны как на специалистов в области этнографии Кореи, так и на просто интересующихся людей.

Как известно, Республика Корея — высоко индустриализированная и урбанизированная страна, где многие элементы традиционного быта, включая некоторые обряды жизненного цикла, утратили свое значение, а другие и вовсе исчезли. Именно поэтому в сотрудничестве с другими научно-исследовательскими организациями страны ГМЭ организует поездки по стране для изучения, фиксации, сохранения традиционных форм жизни, а также для пополнения музейных коллекций.

Как правило, продолжительность подобных экспедиций составляла два-три дня. Республика Корея — небольшая страна, имеющая очень развитую систему высокоскоростных автомагистралей, поэтому мобильное перемещение по стране не вызывает особых сложностей. В состав экспедиции обычно входят несколько специалистов в конкретной области исследования, два-три ассистента из числа аспирантов-стажеров, фотограф, иногда оператор.

Работа по изучению традиционной корейской культуры является одной из приоритетных задач правительства страны. По закону 1962 г. существует особая система регистрации и фиксации культурных ценностей. Согласно этому закону, культурное наследие страны подразделяется на материальные, нематериальные, этнографические культурные ценности и памятные места. Под культурной ценностью подразумевается тот или иной природный или созданный руками человека объект, вобравший в себя государственное, национальное и мировое творческое наследие и обладающий особым историческим, научным, художе-

ственным значением. Именно такие ценности и материалы должны быть предметом изучения и собирания для обработки и хранения в музеях. С точки зрения ведения музейных дел, предметы, соответствующие упомянутым выше критериям называют «обладающими фондовой ценностью».

Однако в последние годы весьма активно обсуждается вопрос о том, что же входит в понятие «обладающие фондовой ценностью». Иными словами, какой материал должен становиться объектом изучения современных этнографов РК. Эта дискуссия разворачивается в контексте актуальной и для МАЭ РАН проблемы способов изучения современного состояния этноса [Ушаков 2006].

На состоявшейся в октябре 2006 г. научной конференции, посвященной проблемам корейской этнографии, этот вопрос был поднят в выступлении научного сотрудника ГМЭ Чхон Чинги [Чхон Чинги 2006]. Он, в частности, отмечал, что когда речь заходит о фондовой ценности, то очень часто просто умалчивается, что же вкладывается в это понятие. Конечно, когда речь идет об археологических находках или предметах средневекового искусства, вопросов с определением не возникает. Но можно ли считать культурными ценностями массово производимые современные предметы повседневной жизни или же созданные современными авторами современные произведения искусства: картины, вазы, мебель? Для автора не менее важно, как изучать, фиксировать и хранить предметы и материалы, которые не попадают в контекст корейской культуры относительно существующих предписаний, хотя реально они в ней существуют (дело в том, что согласно существующим положениям предметы современности могут фиксироваться в музеях только лишь как справочный материал, но не как культурная ценность).

Между тем очевидно, что предметы XX в. еще слишком рано именовать национальным наследием. Однако некоторые вещи, зарегистрированные как культурные ценности, когда-то давно были обыкновенными атрибутами повседневной действительности. В своем докладе Чхон Чинги озвучивает, казалось бы, банальную, но в контексте рассуждения очень своевременную мысль о том, что этнография (т.е. совокупность форм бытования) — это не только прошлое, но и настоящее и именно она выступает связующим звеном с будущим. По мнению Чхон Чинги, одним из ведущих направлений исследований ГМЭ в ближайшие годы должно быть не только изучение предметов древности, но и постоянное ведение полевых исследований и коллекционирование предметов современности.

Таким образом, он не ставит под вопрос саму необходимость описания современной жизни и не задает вопрос, что изучать, он находится в поисках метода изучения. Корейский автор делает предположение о том, что сейчас в условиях современного индустри-

ального общества, когда приобретение повседневных вещей не составляет большого труда, важно не обретение и хранение вещей в фондах музеев, а наблюдение за способами их бытования в конкретной среде и периодическая фиксация изменений. Например, он предлагает начать сбор бытовых ценностей, которые способны отобразить современность. Для этого можно с циклом в 5, 10, 15 и т.д. лет описывать, какие вещи и каким образом используются в конкретном доме конкретного города, поселка, рыбацкой деревушки.

В таких исследованиях он предлагает опираться на опыт японских коллег. Дело в том, что в 2002 г. представители Японского этнографического музея при создании выставки «Сеульский стиль 2002» применили способ описания и сбора материала, который назвали «экологией бытовых ценностей». Основным принципом фиксации материала было детальное описание «семейного ландшафта». Были сняты, зарисованы и подробно описаны разные вещи из дома в районе Каннам города Сеула. Кроме того, некоторые жители были опрошены по соответствующим темам. От бабушки получили информацию о малой родине и проведении церемоний поклонения духам предков, от отца — об офисной жизни, от матери — о семье и рынке, от детей — о школе. Большинство интервью было снято на пленку. Эти материалы были использованы при организации выставки в Японском этнографическом музее, а после ее окончания перешли в фонды этого музея.

В 2006 г. ГМЭ издал несколько книг по материалам полевой работы, посвященной не столько выявлению традиционных компонентов в современной повседневной жизни, сколько описанию существующего состояния быта по принципу «экологии бытовых ценностей». В одной из книг сотрудники ГМЭ отразили «семейный ландшафт» одного из домов деревни Пангок, находящейся в пров. Юж. Чхунчхон [Деревня Пангок... 2006]. Эта деревня была выбрана потому, что вскоре в этой местности начнется строительство большого комплекса правительственных зданий и, возможно, образ жизни местного населения сильно изменится. На смену деревенским домам придут многоэтажные коробки, после чего информация о повседневном быте жителя корейской деревни XX в. может просто исчезнуть. Для того чтобы этого избежать, сотрудниками ГМЭ было проведено это исследование.

Книга посвящена дому г-на Ким Мёнхо и его жены г-жи Кан Синсон. Она богато иллюстрирована замечательными фотографиями. Территорию деревенского дома, состоящего из нескольких строений, авторы книги разбивают на четыре сектора: два жилых помещения *анчхэ* (женская часть, своеобразный «хозяйственный центр») и *саранчхэ* (мужская часть), хозяйственные постройки и другое пространство (дворики, клумбы, место для мусора и т.д.). В книге

приводятся фотографии практически всех предметов, находящихся в комнатах, начиная от больших шкафов, заканчивая самыми маленькими предметами (зубочистками, зубными щетками и т. д.). Каждый предмет нумеруется согласно разработанной и прокомментированной в предисловии системе. Все результаты сведены в большие таблицы, помещенные в приложениях. Также в книге приводятся интервью жителей дома. В тексте сохранены особенности диалектной речи говорящих со всеми ее шероховатостями и обаянием (словами-паразитами, лексическими и грамматическими ошибками, обилием диалектизмов, объяснение которых дается в скобках). Изучив эту книгу, мы можем весьма отчетливо представить, как живут люди в корейской деревне в конце XX — начале XXI в.

Ушаков Н.В. Проблема современного полевого этнографического источника и вопросы его музейной регистрации // Радловские чтения 2006. СПб., 2006.

Чхон Чинги. Музеи и материальная культура // Материалы этнографической конференции 2006. Сеул, 2006. (на кор. языке)

Деревня Пангок. Исследовательский отчет. Сеул, 2006.

С.Л. Санкина

МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ЗАСЕЛЕНИЯ ИЖОРСКОГО ПЛАТО: МОГИЛЬНИК НОВО-СИВЕРСКАЯ-2

Территория Ижорского плато, представляющая обособленный физико-географический район русского Северо-Запада, возможно, из-за малоблагоприятных условий для жизни (отсутствие на плато рек и ручьев и тяжелые суглинистые почвы, затрудняющие проведение земледельческих работ), была заселена довольно поздно. Возможное появление первых поселенцев относится к X в., а массовое заселение — к рубежу X–XI вв. [Кольчатов 1982]. Территория Ижорского плато входит в состав летописной Водской земли, таким образом, автохтонным считается здесь водское население. В курганно-жальничных могильниках, получивших распространение в древнерусское время, обнаружен синтетический славяно-финский обряд погребений. Исследователи-археологи, обращавшиеся к данной проблеме, говорят о сосуществовании на Ижорском плато как славянских и водских групп населения, так и смешанных славянско-водских [Спицын 1896; Седов 1953; Рябинин 2001]. Всего на плато известно около 150 могильников.

Для изучения проблемы времени и путей заселения плато важен могильник Ново-Сиверская-2, раскопанный Л.К. Ивановским в 1873 г.